

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

рые в данном случае не имеют запаса прочности.

Такой фильм, который представлял из себя Советский Союз, для человеческой эволюции... (пауза) для духовной эволюции сущности был настоящим подарком. Страшное давление, которое ощущали на себе художники, помогало им создавать великие произведения. Когда это давление в одночасье схлынуло, на рубеже 80-х и 90-х, и туман начал расходиться, многие великие художники перестали делать великие вещи, просто не могли.

Кроме того, эта система сплачивает людей, мировоззренчески настроенных на одну волну, решающих одни и те же задачи. Поэты вдохновляли шахматистов, барды — спортсменов и так далее. Ты скрывался от давления, общался с определённым кругом людей, и это перекрёстное опыление было способом выживания. Так возникала среда, способная рождать что-то. Это и «Силиконовая долина», и «Баухаус», и русский авангард начала XX века...

— **Нет ли страха того, что это давление вернётся? Ведь Гумилёва и Мандельштама жаль чисто по-человечески.**

— Я рассуждал об этом вчера, когда проходил мимо Центрального дома литераторов. Рядом стоит башня Вулыха, где жили самые успешные и самые прикормленные системой. История — это же непрерывная борьба между интересами и идеями. Художник — это в первую очередь проводник идей.

С другой стороны, в нашей жизни здесь и сейчас побеждают интересы: мне нужно купить хлеба, мне нужен автомобиль, мне нужен дом и так далее. Идея уходит на второй план, но в исторической перспективе она всё равно возьмёт верх.

Вот вы говорите, что жалко людей. Но ведь это не просто люди — это художники. Речь идёт о служении. Там иная система координат, иная система ценностей. Да, человек может быть несчастным, но у него миссия такая — впустить идею, которая через него стучится всеми правдами и неправдами. Если художник способен на это, он художник. Если художник поселится в башне Вулыха, он не совсем художник, его можно и нужно называть по-другому.

В своём спектакле «Из жизни планет» я называю четыре пути, по одному из которых может пойти художник в таких случаях. Я рассматриваю четыре неснятых фильма и четыре судьбы: жизни Шпаликова, Мотыля, Китайского и Смирнова. Это простейший компас.

Не делать и не бороться — так поступил Китайский, который вдохновил своими идеями всё киношное поколение и которому не хватило сил взойти на Голгофу. Тарковский тем не менее эти идеи подхватил и пошёл.

Можно делать и не бороться, как Мотыль. Он говорил, что не нужно тратить силы на хождение по коридорам и уламывать чиновников — нужно брать мало-мальски приемлемую драматургию и делать своё кино.

Можно бороться, но не делать, как Смирнов. Он подал в суд на Союз кинематографистов, был абсолютно бескомпромиссным, но ничего не снимал 30 лет: его выдавили из профессии.

Наконец, делать, но не бороться, как Шпаликов. Он раз за разом переделывал свои сценарии, приносил их, хоть и кричал однажды от безысходности в коридорах «Мосфильма»: «Я вам не раб!» — так вспоминают очевидцы.

Каждый из этих путей правильный, если ты идёшь по стрелке, которой для тебя является твоя совесть. Ни один из этих четырёх себе не врал. Что бы ни случилось вокруг, нужно слушать собственный голос и идти по стрелке. Я подозреваю, что легко говорить, когда не сталкиваешься с тем ужасом, который пережили Гумилёв и Мандельштам. Но мне кажется, что в определённых обстоятельствах художник по-другому не может, у него вообще не возникает вопросов.

— **Воспринимаете ли вы выход романа «Небесный Стокгольм» как итог, хотя бы промежуточный, той большой истории, которая сложилась вокруг проекта «Из жизни планет»?**

— Мне кажется, да. Мне кажется, этой книгой я всё сказал. Хотя я прочитал пост Михаила Идова на фейсбуке. Он тогда параллельно работал над сценарием к фильму «Оптимисты». В наших историях до смешного похожие ситуации и, главное, никто из нас не виноват. У него в сценарии есть специальный отдел МИДа, в котором молодые европейски образованные люди помогают не совершать государству нелепых ошибок во внешней политике. Мои красавцы тоже работают в специальном отделе одной строгой организации.

Так вот Идов писал, что ему не хватило, что ему было важно и дальше просматривать судьбы героев. Я внутренне с ним полемизирую. Я уверен, что поставил точку, оставив героев там, где нужно их оставить, чтобы была ясна основная идея Небесного Стокгольма — той химеры, которая противопоставляется Небесному Иерусалиму: нужно искать все ответы не снаружи — внутри. Прочитав недавно изданный очерк Бунина о Льве Толстом, я с большим удовлетворением нашёл подтверждение своим мыслям.

— **Последние ваши работы так или иначе связаны с прошлым, возвращающимся в новых образах. Часто ли вам самим приходится сожалеть о прожитом, о невозможности вернуться назад и что-то изменить?**

— Только о невстречах. Я мастер невстреч. Имею в виду, что в определённые узловые моменты судьба подсовывала мне людей, которые могли бы на меня серьёзно повлиять и помочь сделать моё движение более точным, перескочить через несколько ступеней.

Например, моя невстреча с Окуджавой. Формально это была встреча, к нему в дом меня привела немецкая журналистка. Он спросил меня, чем я занимаюсь, я как мог рассказал про свою музыку. Почему-то ему стало интересно эту музыку послушать, и он пригласил меня в гости. Но я подумал, что как-то зашёл не с той стороны. Уже через полгода его не стало.

Окуджава был мастер ставить диагнозы людям. Митяев рассказывал мне, что однажды он поставил диагноз одному спортсмену, который никак не мог стать олимпийским чемпионом. Однажды Окуджава сказал этому спортсмену: «Бегайте больше». Спортсмен начал бегать, а потом действительно стал олимпийским чемпионом. Самому Митяеву Окуджава сказал: «Только не становись артистом». «А я стал», — говорил мне Митяев со вздохом. Таких встреч у меня достаточно, чтобы об этом думать и работать над ошибками в будущем.

Печатается в сокращении. Полная версия — на сайте newsko.ru

ДОБАВИТЬ В ИЗБРАННОЕ

Ветры Ближнего Востока

Must hear: обзор музыкальных новинок от Павла Катаева

Sting — 57th & 9th

На прошлой неделе, в канун годовщины парижских терактов, Стинг выступил в клубе «Батаклан». Это был первый концерт после трагедии, унёсшей жизни 90 человек, и выбор именно этого артиста казался морально взвешенным. Кто, как не Стинг, с его успокаивающим приглушённым тенором, благотворительными инициативами и положительно-мужественным имиджем, мог воскресить сцену «Батаклана»? Гордон Мэттью Томас Самнер, командор ордена Британской империи, обладатель «Золотого глобуса», «Эмми» и солидной недвижимости в разных странах, сегодня может положиться на свою репутацию и статус, занимаясь музыкой с оглядкой лишь на собственные интересы. Это объясняет многое относительно его нового альбома.

На несколько пародийной фотографии с конверта Стинг находится на пересечении 57-й и 9-й улиц Нью-Йорка — по дороге в студию, на которой записывал пластинку. Музыкант, выглядящий лет на 20 младше своих 65, одет просто и добротно, как рок-н-ролльщик, знающий чувство меры. Звучание альбома соответствует этому образу. Стинг берёт старый бас с облезлой декой, улыбается музыкантам в студии и начинает играть рок, возвращающий к временам The Police и обкатанный до глянцевого блеска. Он поёт о любви, дружбе, надежде на лучшее с подспудной убеждёностью в вечной истинности этих категорий. Такая вера в возможность гармоничного мира, который на деле в очередной раз распадается на куски, могла бы казаться наивной, если бы Стинг полжизни не подтверждал её словом и делом.

Yussef Kamaal — Black Focus

В ближайшие годы мы ещё не раз увидим арабскую вязь на обложке альбома. В ряде случаев музыка, спрятанная в конверте, заставит говорить о себе в силу сугубо эстетических причин. Одну из таких пластинок выпустил Yussef Kamaal — дуэт Камалья Уильямса и Юсефа Дейза. Журнал The Clash пишет о них как о британском ответе американскому джазовому авангарду. Добрая половина рецензии посвящена тому, что в Соединённом Королевстве сложилось целое поколение музыкантов, способных творить нечто прогрессивное на стыке самых разных жанров. В том, что Yussef Kamaal претендует на видное место в этой компании с дебютным альбомом Black Focus, сомневаться не приходится.

В первом же, заглавном треке встречаются африканские барабаны, глубокий бас, нежно-лукавые синтезаторы и труба, уверенно показывающая импровизационную дерзость. Этот смешанный диалект Yussef Kamaal придумали сами и стали говорить так, что заслушаешься. Ориентальные мотивы нередко сводятся к небрежному заигрыванию с Востоком, и с этой точки зрения альбом Yussef Kamaal отличается от концептуального произведения других британцев GoGo Penguin. Впрочем, и те, и другие способны на свежее видение и, стоит надеяться, переосмысление джаза.

Hidden Orchestra — Wingbeats

Когда слушаешь композиции Hidden Orchestra, представляешь себе как минимум камерный оркестр. Вот виолончель, вот труба, вот арфа, вот перкуссия... пожалуй, даже два музыканта на секцию. На самом деле проект представлен одним человеком — британцем Джо Ачесоном. Он действительно получает записи от своих соратников и приглашает их для выступлений, но «собирает» треки сам, называя Hidden Orchestra своим «воображаемым оркестром». С 2010 года Ачесон с командой объехал более 30 стран, а теперь пополняет свою дискографию седьмым релизом.

В альбоме Wingbeats живёт птичья стая, а также уподобляемые ей инструменты, акустические и цифровые. Заглавный трек, действующий в качестве экспозиции, выпускает в поток щебетания и шума крыльев человеческие инструменты, начинающие взаимодействовать в инстинктивном ритме и гармонии, подсказанной природой. За ним следуют вариации с весьма условными сольными партиями, отражёнными в названиях, а в финале звучит «Хор зари» — птичий гомон без всякого сопровождения. Такой структурой треклиста Ачесон будто намекает, что всё его студийное оборудование — лишь рамка, способная в движении захватить частицу необъятного мира и расставить акценты. Так, «воображаемый», или, если переводить дословно, «спрятанный», оркестр включается в ансамбль, куда более обширный и древний.

